

сомнительным). Но прежде всего необходимо избегать смешения эпох. Раз автор твердо признал, что феодализма в древней Ассирии не было (149 стр.), то не следует искать какого-то подобия или суррогата феодализма. Таким образом, вопрос о земельных отношениях в Ассирии не может считаться полностью разрешенным в данном исследовании. Этого отнюдь не отрицает сам автор. В примечании 1 к стр. 147 он пишет: «Конечно, многое в этом очерке остается еще сомнительным или неясным, и предлагаемая точка зрения на историческое развитие ассирийского общества не может считаться окончательной во всех деталях».

Следует надеяться, что в дальнейших своих работах автор пересмотрит спорные и сомнительные пункты своей концепции. Однако даже в теперешнем своем виде его работа, несмотря на указанные недостатки, содержит много ценного материала, ставит целый ряд интересных вопросов, дает яркие и своеобразные выводы и безусловно будет использована не только узким кругом историков древнего Востока, но и специалистами в других разделах исторической науки.

Д. Г. Редер

*ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ, Эсхил, Софокл, Эврипид.* Переводы с древнегреческого под ред. Ф. А. Петровского, ГИХЛ, 1950, 751 стр., цена 20 руб., тираж 10 000 экз.

Изучение античной литературы прочно вошло в программы литературных, филологических, педагогических и театральных вузов, а интерес к этому разделу литературы получил широкое распространение. Таким образом, целесообразность выхода в свет книги, которая содержит хотя бы один из существенных разделов античной литературы, не может возбуждать сомнения.

В рецензируемом сборнике из семи сохранившихся трагедий Эсхила даются четыре: «Прометей» — в переводе В. О. Ниландера и С. М. Соловьева и трилогия «Орестея» в составе трагедий: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды», без указания переводчика; из семи полностью сохранившихся трагедий Софокла тоже даются четыре: «Трахинянки», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и «Антигона» — в переводе С. В. Шервинского; наконец из 18 подлинных драм Эврипида даются тоже четыре: «Медея», «Ион», «Алкеста» и «Киклоп» — в переводе И. Ф. Анненского. Перечисленные переводы заключаются двумя статьями Ф. А. Петровского: 1) «Греческая трагедия» (стр. 685—705), где дается характеристика социально-политической обстановки V в., а также жизни и творчества трех великих трагиков, и 2) «Строение греческой трагедии» (стр. 706—721), где дан обзор хода действия в приведенных трагедиях и указаны их структурные части. В конце книги помещены его же «Примечания» (стр. 722—745) ко всем помещенным трагедиям и «Указатель к примечаниям» (стр. 746—749).

Не вполне понятен принцип отбора произведений греческих трагиков в данном сборнике. В самом деле, чем руководствовались издатели, отдавая предпочтение «Эдипу в Колоне» и «Трахинянкам», например, перед «Электрой» или «Аяксом»? Особенно же произвольность или случайность выбора видна в отношении к Эврипиду: из наиболее знаменитых произведений «трагичнейшего из поэтов» взята только «Медея»; нет ни «Ипполита», ни «Ифигении в Авлиде», ни «Вакханок», ни «Геракла», ни «Электры». При всем своеобразном интересе «Алкесты» и «Иона» по содержащимся в них бытовым чертам, сближающим их с так называемой «новой аттической» комедией, эти произведения никак не могут показать главной силы таланта Эврипида. В статье Ф. А. Петровского (стр. 697) «Ион» назван трагедией показательной для творчества Эврипида. Однако эта «показательность» очень односторонняя, а преимущества «Иона» и «Алкесты» перед другими трагедиями Эврипида никак не объяснены.

Переводы трагедий даны по различному принципу. Объяснения этому мы находим на стр. 704 сл.: «В большинстве случаев диалогические части драм переданы при-

вычным нам размером — пятистопным ямбом, а сложные песенные размеры, которые в греческой драме можно было бы вполне оценить только при наличии недошедшей до нас музыки, переведены более свободно разными размерами, употребительными в античной поэзии, с учетом симметрии между строфами и антистрофами. Действительно, принципы античной метрики, основанной на особых свойствах «музыкального» ударения, настолько отличны от принципов современных европейских языков, что было бы бесплодным трюкачеством воспроизводить художественные формы древнегреческого стихосложения экспираторно-тоническими средствами новых языков. Впрочем, анонимный переводчик «Орестей» старался сохранить средствами русского языка видимость размеров греческого подлинника «Перевод «Орестей», — читаем мы в объяснительной статье (стр. 705), — сделан и в диалогических и в хоровых частях в соответствии с размером подлинника; поэтому в нем применен шестистопный, а не пятистопный ямб и сохранены метры подлинника в хоровых частях».

Трагедии Эврипида даются в хорошо известных переводах И. Ф. Анненского. Хотя эти переводы отличаются многими неточностями, однако они живо передают основную мысль поэта и читаются легко. «Прометей» Эсхила воспроизводится в неоднократно издававшемся переводе С. М. Соловьева и В. О. Ниледера с небольшими, повсегда удачными, изменениями. «Орестей» Эсхила и трагедии Софокла даны в новых, нигде еще не печатавшихся переводах. Поэтому о них следует сказать подробнее.

Переводы фиванских трагедий Софокла являются перделками прежних переводов С. В. Шервинского, изданных им в 1936 г. совместно с В. О. Ниледером в так называемых размерах подлинника. Сохраняя почти полностью прежнее понимание текста, переводчик облек его в форму привычных нам стихов, и они хорошо читаются и легко воспринимаются. Правда, он чрезмерно упрощает текст и допускает излишнюю свободу, выбрасывая отдельные слова, заменяя одни образы другими, внося дополнительные выражения и т. д. Посетовать можно на то, что некоторые места текста выкинуты в угоду гиперкритическим соображениям переводчика. Хуже всего то, что читатель даже не предупрежден об этом. Много таких случаев есть в «Царе Эдипе», именно в ст. 356—368 подлинника, между 360 и 361 перевода<sup>1</sup>, выброшен целый монолог Тиресия в ст. 447—462 (между ст. 438 и 439), ст. 1035 сл. (после ст. 1009), ст. 1280 сл. (после ст. 1257), ст. 1397 (после ст. 1367), ст. 1393 (после ст. 1368), ст. 1515—1523 (после ст. 1483).

Встречается немало ошибок и в понимании текста. Так, например, в «Царе Эдипе», ст. 143<sup>3</sup> (ст. 143) переводится: «молитвенные ветви отложив», тогда как в подлиннике ἀρχυτες — «взяв» (буквально «подняв»). Древний обычай требовал класть на алтарь молитвенные ветви в знак мольбы; но если мольба уважена, как в данном случае, просители уносили с собой возложенные ветви. Там же, ст. 594 сл. (ст. 566 сл.) переводится: «Еще не столь я оскудел умом, чтоб новых благ и пользы домогаться». Это совсем не соответствует подлиннику — ἀλλὰ χρῆζειν, ἢ τὰ σὺν κέρδει καλὰ «...чтобы желать иного, чем прекрасное, связанное с выгодой». Там же, ст. 822 сл. (ст. 798 сл.): «Я ль не изверг? Я ль не безбожник? Убежать бы мог...» А в подлиннике: εἰ μὲ χρῆ φύγεῖν — «если я должен уйти в изгнание». Там же ст. 1400 сл. (ст. 1369 сл.) переведены: «Вы (три дороги) кровь мою горячую испили, — ее я пролил собственной рукой». Получается впечатление, будто Эдип сделал попытку самоубийства! Вставлено слово «горячую», но пропущено слово πατρός — «отца»: «вы испили пролитую моими руками родную кровь отца». Речь идет о том, что на перепутье трех дорог Эдип убил отца своего Лая.

В трагедии «Эдип в Колоне»,<sup>3</sup> ст. 547 сл. (ст. 544 сл.) переводится: «Я пред законом чист: убийца, — я сам не ведал, что творил». В подлиннике же говорится: «(Да, я убил), ведь иначе те, кого я убил, убили бы меня. Все-таки я чист, пошел на это дело без умысла». Там же, ст. 525 (ст. 518): «Мой город, сам того не зная, меня связал

<sup>1</sup> Везде в ссылках на места подлинника мы пользуемся нумерацией подлинника, а в скобках отмечаем нумерацию стихов перевода.

преступным браком», а в подлиннике: «Меня, ничего не знавшего...» Там же, ст. 717 сл. (ст. 747 сл.) переводится: «Его (т. е. корабль) сопровождала стая дев тысяченогих, нимф лазурных — Нереид». В подлиннике: *ἑκατομύδων Νηρηίδων ἀκόλουθοις*: «Он (корабль) — спутник Нереид, имеющих сотню ног». Эпитет «стоногие» будет понятен, если иметь в виду, что по мифологии Нереид было 50, следовательно, в общем у них было 100 ног. Но всего удивительнее, что Посейдон, сын Крона и, следовательно, Кронид или Кроннон, как и брат его Зевс, оказался в переводе сыном Кроннона — ст. 712 (ст. 736)!

В общем, однако, все эти недочеты переводов С. В. Шервинского, — а их можно указать немало, — носят более или менее частный характер и могут быть исправлены при дальнейших изданиях. Но этого нельзя сказать о переводе «Орестей». Вообще-то язык Эсхила, как отмечали уже и древние, например, Аристофан, представляет много трудностей своим исключительным богатством образов, величавостью речи, обилием многосложных и старинных слов, и это крайне затрудняет перевод. Но независимо от этих объективных трудностей переводчик часто игнорировал точный смысл подлинника и вносил в текст перевода много лишнего. Не имея возможности проследить это шаг за шагом даже в главных чертах, остановимся на некоторых особенно показательных случаях.

Вот несколько примеров из «Агамемнона». Ст. 222 сл. переводится: «Умыслил зло, смертный смел: одержит (? — С. Р.) недужный дух жестокая ярость». Неясен смысл и не передано содержание подлинника, в котором находим следующее: «Смертных делает смелыми полное гнусных мыслей злосчастное безумие, первый источник бедствий». Там же ст. 452 сл. переводится: «Сколько теней окрест Трои блуждают тех героев, что крепко спят в чужедальной могиле». Буквальный перевод этого места следующий: «А некоторые прекрасные видом люди имеют могилы там, около стен земли Пилонской; вражеская земля скрыла своих владетелей (т. е. победителей. — С. Р.)». Таким образом, в разбираемом переводе появились «тени», которых в подлиннике нет: «чужедальная могила» заменила собой полное глубокой иронии выражение подлинника, что земля врагов скрыла в себе своих победителей. А стихи 1313 сл. выкинуты переводчиком, как неподлинные, без всякой оговорки.

Совершенно искажена пара стрóf в «Агамемноне», ст. 160—175, знаменитое словословие Зевсу:

*«Жив бог.*

*Сущий жив. Коль имя «Зевс»*

*Он приемлет, к Зевсу песнь*

*Воскрывается мол.*

*Все пытал и савесил я:*

*Легковесно было все.*

*Зевс, мне прибежище, снимет единый с души скорбь,*

*Отгнав от сердца страх.*

*Кронос,*

*Старых былей древний царь,*

*Необорной силой лют,*

*Президе славный, днесь забвен:*

*Он вознеся — и поник. Моць Сильнейший превозмог.*

*Гимны победные Зевсу воспойте: ему власть!*

*Мудрость мудрых — Зевса чтить.*

Сличение разбираемого перевода с подлинником показывает, что здесь переводчик пропустил имеющуюся в подлиннике оговорку к имени Зевса: «кто бы он ни был», придающую выражению философский смысл: это не Зевс народной греческой религии, а создание философской мысли — образец так называемого «гепотензма». Вот как выражено это место в подлиннике: «Зевс, кто бы он ни был, если ему угодно называть-

ся этим именем, я так его и призываю. Все взвешивая, ничего я не могу сравнить с Зевсом, кроме него самого, если пужно подлинно выкинуть из мыслей напрасное бремя. И про того, кто ранее был велик, кипя всепобеждающей дерзостью (разумеется Уран.— *С. Р.*), не будут даже и говорить, что он был прежде. А тот, кто был после (разумеется Кронос.— *С. Р.*), погиб, встретив более сильного борца (т. е. Зевса.— *С. Р.*). Но кто искренне поет победные песни в честь Зевса, тот обретет подлинную мудрость». Исключения, допущенные переводчиком в этом месте, опасны в том отношении, что создают у читателя совершенно неверное представление о религиозных взглядах Эсхила, идущее вразрез с пошманием Маркса<sup>1</sup>. С другой стороны, во второй части приведенного места разбираемый перевод вносит имя Кроноса там, где поэт имеет в виду Урана, и сводит развитие божеских сил к смене двух поколений — Кроноса и Зевса, совершенно упустив родоначальника их — Урана.

В «Эвменидах» искажена вся замечательная речь Афины. Вот отдельные места из нее (ст. 773 сл.);

*Священный ужас будет наводитъ скала  
И страх вины, с ним соприродный, день и ночь  
На весь народ мой. Новшеством праправнуки  
Сих чар да не нарушат!*

В подлиннике (690 сл.) находим иное: «На нем (т. е. на холме Ареопага, как высшем судилище.— *С. Р.*) благоговение граждан и сродный с ним страх будут и днем и ночью удерживать граждан от преступлений, если сами граждане не будут новшествами исказить — *ἐπιχαλινούτων* (вариант — *πικραίνουτων*: не будут портить) законов». Ясно, что смысл всего места не передан. Прибавим к этому: «уголовный суд» вместо «суд за пролитую кровь» — ст. 682 (ст. 764); «сбор присяжных» вместо «совета судей» — стр. 684 (ст. 766); «многобашенный» вместо «высокий» — ст. 688 (ст. 769); «служительница Арея» вместо «приносили жертвы Арею» — ст. 689 (ст. 771); «извергнуть не ревнуйте, что внушает страх», вместо «(советую) не изгнать из города всякий страх» — ст. 698 (ст. 780); «с новосельем вас поздравляю» — вместо «привет и вам» — ст. 1003 (ст. 1109) и т. д.

Ко всему этому и язык перевода отличается крайней вычурностью. То и дело мы встречаем выражения вроде следующих в «Агамемноне»: ст. 31: «плясать предславе»; ст. 44: «сильный упряг Атридов» вместо «чета Атридов»; ст. 157: «по трапезе орлей»; ст. 793: «сорадаюсь льстиво»; ст. 821: «пожарйщем»; ст. 1224: «лбжнппы царевой вор», ст. 1256: «какою огневицей ты знобишь меня?» и т. д. Мы вправе, кажется, сказать, что переводы такого рода не только не дают правильного представления об оригинале, но даже, как мы указывали, содержат вредное направление. Мнимые размеры подлинника только осложняют язык и затемняют содержание.

Не удовлетворяют нас также и заключительные статьи Ф. А. Петровского. Тема взята большая, а места отведено слишком мало, особенно для первой, наиболее важной статьи, — 19 страниц, так что автор вынужден ограничиваться лишь общими моментами. В статье дается сначала характеристика социально-политических условий V в. до н. э. (стр. 685 сл.), потом обзор происхождения драмы из корней лирической поэзии. Затем следует характеристика творчества трех великих трагиков (стр. 693—698) и библиографические и литературные сведения о них (стр. 698—700). Эти сведения крайне отрывочны, неясны, а частью и неверны. Если есть сведения, что какой-то Софокл (трагик ли? — *С. Р.*) был членом совета 10 пробулов в 411 г., можно ли категорически утверждать, что трагик Софокл «принимал участие в олигархическом перевороте 411 г.» (стр. 699)? А что дают читателю такие характеристики трагедий: «Аякс — на сюжет троянского цикла сказаний», «Филоклет — на тему троянских сказаний» и т. п.? Можно ли говорить о «законах построения драмы» (стр. 700), когда совершенно ясно,

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 12.

что сама драма еще только устанавливалась? Можно ли говорить в отношении театра V в. о «сцене, на которой выступали только актеры», и о «помосте для актеров» и т. д. (стр. 700 сл.)?

Напрасным и даже ошибочным является стремление во что бы то ни стало демократизировать отношение Софокла к трудовому народу. «Наблюдая грандиозные работы, — говорит автор (стр. 695), — развернувшиеся во времена Софокла в Афинах, греческий трагик, само собою разумеется, увидел и оценил тот трудовой народ, руками которого воздвигалось здание афинского государства». В подтверждение своей мысли автор ссылается на образы второстепенных действующих лиц — пастухов, слуг и рабов в его трагедиях. Однако нетрудно заметить, что в их воспроизведении у Софокла имеется немалая доля юмора и иронии: Софокл показывает их наивное своекорыстие, например, в образах Стража в «Антигоне», коринфского Вестника в «Царе Эдипе», Вестника в «Трахинянках». Автор статьи доходит даже до утверждения, что они являются «существенными пружинами действия»; «не будь их (Лиха и Вестника), Деянира не решилась бы послать Гераклу свой роковой дар», в «трагедии «Эдип-царь» перелом всего действия определяется рабом Лая и Вестником из Коринфа» (стр. 696). Нечего и говорить, что, как ни живы эти образы, все-таки такое утверждение является преувеличенным и не имеет достаточного основания. В другом месте автор впадает в еще более грубую ошибку, говоря, будто в эпоху Перикла «труд становится необходимым для свободных людей так же, как участие в государственной деятельности для афинских граждан» (стр. 687). Это совершенно расходится с нашими представлениями, что по мере возрастания количества рабов в Греции падала производительность труда свободных. Ведь именно «рабство...» сделало труд свободного гражданина презренным».

Есть неправильности и в объяснении происхождения драмы. Она выводится только из дифирамба, который «для всего этого являлся удобной формой творчества» (стр. 691 сл.)! Ни слова не сказано о драматических элементах в народной песне. Далее, говоря о роли культа Диониса, автор не выходит из рамок абстрактных рассуждений и не привлекает богатого материала культурных пережитков.

Существенным пробелом с точки зрения рядового читателя является отсутствие каких бы то ни было данных о мифах, положенных в основу отдельных трагедий, да и примечания в конце книги слишком кратки, чтобы уяснить читателю смысл отдельных мест. С другой стороны, почти совершенно устранив из текста театральные ремарки, которыми некоторые переводчики иногда действительно злоупотребляют, издатели данной книги впали в другую крайность. Понятна ли неподготовленному читателю без предварительного объяснения, например, начальная сцена «Царя Эдипа» — присутствие молящей толпы с молитвенными ветвями в руках или появление слепого Тиресия в сопровождении мальчика-поводыря и слуг Эдипа, или, в конце трагедии, появление перед слепым Эдипом Антигоны и Исмены? Догадается ли сразу читатель, что в «Трахинянках» Лих приходит с толпой пленниц? и т. д.

Наконец, с научной точки зрения существенным недостатком является отсутствие библиографии и каких-либо указаний относительно редакции текста, положенной в основу переводов. Последние особенно необходимы ввиду весьма субъективного отношения переводчиков к сохранившимся текстам.

Закljučая нашу рецензию, мы должны сказать, что хотя издатели поставили себе важную и весьма нужную задачу, но выполнение ее со многих точек зрения оставляет желать очень многого.

*Проф. С. И. Радциг*